

Прогноз погоды на завтрашний век

— В нынешнем сезоне российский театр въезжает в XXI век. С чем он в него входит? Сам я по утрам ловлю себя на мысли, что ничего не знаю. Снова чувствую себя белым листом.

— Означает ли это, что вы чувствуете себя не отягощенным находками театральных лидеров XX века?

— Разумеется, отягощен. А точнее, налитан, воспитан и взращен в особенности теми величайшими достижениями, которые возникли за этот век в лоне русского психологического театра. Но ощущение чистого листа — от времени, которое ежедневно меняет акценты и требует заново решать вопрос, на какие зоны зрительского восприятия воздействовать.

Наш разговор с художественным руководителем Театра им. Вл. Маяковского состоялся в зале филлиала, что расположен в Пушкинском переулке. На сцене в это время монтировались декорации художника Б.Бланка к спектаклю "Человек из Ламанчи". Пьеса, первый раз поставленная Гончаровым почти тридцать лет назад, — уже факт истории. А.Лазарев — Дон Кихот, Е.Леонов — Санчо Панса, Т.Доронина — Дульсинья.

— Это будет совсем другой спектакль, с новыми молодыми исполнителями. Мы, между прочим, сидим в историческом здании, где начинали свою творческую жизнь Завадский, Кедров, Каверин, Хмелев, Рубен Симонян. Сейчас в этих стенах формируется новое поколение Театра Маяковского. Я сознательно вернулся к пьесе о Дон Кихоте, ибо изменился сам взгляд на это явление — донкихотство. Как это ни смешно звучит, хочется увидеть необходимый сегодня идеал социального героя. Человека, для которого добро, любовь и надежда являются нормой жизни. Действующие лица, те самые, что глумились над Рыцарем, будут выходить прямо из зрительного зала.

— Нет опасения, что подобный способ общения со зрителем покажется анахронизмом?

— Конечно, в прежнем спектакле было больше романтики, сейчас это вряд ли уместно. Но, я уверен, необходимо добраться до тех болевых точек современного человека, в которых кроется искренность, — столь не популярная ныне эмоция. Время, конечно, перевернулось. Куда перевернулось — боюсь анализировать. Однажды великий Стрелер на встрече с московской театральной общественностью был спрошен: "Что главное в сценическом искусстве? Искренность", — был его ответ. Впрочем, еще раньше суть настоящего театра тем же словом определил Станиславский. Сейчас на наших сценах можно увидеть сколько угодно ярких обертон, услышать иронию, трепетно, откровенный, как говорит молодежь, стей... Искренней исповедальной интонации бояться как черт лада. Душевному стриптизу предпочитают телесный. Будто бы вид голого тела имеет какое-то отношение к душе, к тому самому, без чего театр в конечном счете мертв. Когда я говорю о чистом листе, я имею в виду то, что заново должен пробовать на нем краски, которые могут вызывать у зрителя ответное искреннее чувство. К сожалению, многие молодые коллеги по цеху воспринимать этот лист иначе. Размалывают и сворачивают в яркий фантик: снаружи броско, внутри

пусто. Будто бы до них ничего в театре не было, гладкое место. Мне кажется, произошел некий разрыв преемственности наших театральных традиций. Как руководитель режиссерской кафедры РАТИ я иной раз и сам не знаю, кого выпустить: то ли режиссеров, то ли менеджеров, то ли шоуменов. Но, по крайней мере, у нас, в Театре Маяковского и в РАТИ я пытаюсь продолжить традиции русского психологического театра — это лучшее, на мой взгляд, что было создано на сцене XX века.

— Каковы ваши репертурные планы в сезоне XX—XXI века?

— После успешных гастролей в Екатеринбурге (а в сентябре будет еще выезд в Санкт-Петербург) мы начинаем активную работу над новыми постановками. На Большой сцене я намерен заново прочесть еще одну ранее поставленную мной пьесу — "Дети Ванюшина" С.Найденова. С присущей нынешнему времени иронией хотелось бы рассмотреть "русское шоу" — о разрушении дома, о незаметно подступившей к нам национальной катастрофе, о "новых", которые, не ведая рефлексий, готовы сплывать чечетку в самых неподходящих местах. Первой премьерой сезона станет "Кукольный дом" Ибсена. Этот спектакль, поставленный Леонидом Хейфецем в высоких традициях русского психологического театра, одновременно поражает остро современным прочтением старой пьесы, прекрасными актерскими работами. Надеюсь в этом сезоне продолжить так удачно начатое сотрудничество с этим режиссером. В филлиале мой ученик, режиссер Н.Крутиков, репетирует пьесу "Кларнет" современного драматурга С.Тарховского. К работе над пьесой знаменитого Т.Стоппарда "Входной свободный человек" приступит Б.Щедрин. Готовятся к новым постановкам наши режиссеры Т.Ахрамкова и Ю.Юффе.

Надеюсь получить новую пьесу от Г.Горина, в чьих парадоксах всегда есть точная интонация времени. Очень хочу поставить "Антония и Клеопатру", вопреки расхожему мнению, что главная тема этой пьесы — любовь, я вижу другую тему — предательство. Вижу, как в угоду политиканству люди предадут самое дорогое, что у них есть. Продолжаем искать сегодняшнее в русской классической литературе: "Лес", "Дикарка" Островского, "Войтелыница" Лескова...

— Что бы вы хотели навсегда забыть в XX веке?

— Многое. Но если задуматься о судьбе нашего Театра им. Вл. Маяковского, о его 77-летнем творческом пути, то сегодня главным его приоритетом является стабильность, верность ему тех, кто служит в нем уже много лет и составляет его ядро, его основу. Это ощущение своего дома, своей семьи нам очень дорого. Именно оно позволило нам не разделиться и сохранить своего зрителя. Это чувство объединяет и наших замечательных артистов старшего и среднего поколения, составляющих гордость нашего коллектива, и талантливую молодежь. Сознание этого помогает в работе и тем, кто не выходит на сцену, но без кого немалосмысленно создание спектакля, тем, кто многие и многие годы так же посвящает себя служению нашему театру: опытнейшему директору театра Михаилу Петровичу Зайцеву, сотрудникам литературной части, репертурной конторы, музея, администрации и всех цехов постановочной части. И это мне очень дорого.

Я — молодой должник. Столько всего видел, столько повидал. Многие иной раз хочется выкинуть. Оставить только искренность, без нее — беда.

Беседу вело
Нотолия КАМИНСКАЯ